Раздел 1
**ТИПОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ГЭСЭРИАДЫ В КОНТЕКСТЕ
ЭПИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ
ЕВРАЗИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

DOI: 10.31554/978-5-7925-0594-0-2020-3-6

© Дугаров Баир Сономович
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
khairkhan@mail.ru

**ГЭСЭРИАДА: БУРЯТСКИЙ УСТНОПОЭТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК
И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ¹**

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности бурятской Гэсэриады и ее генезиса на примере эхирит-булагатской версии. Если унгинская версия перекликается с монгольской Гэсэриадой, испытавшей влияние тибетского эпоса о Гэсэре, то эхирит-булагатская является полностью самобытной, обращенной к мифологическим корням. Она состоит из древних фольклорных сюжетов, мотивов и образов и обнаруживает стадияльное и типологическое сходство с якутским эпосом о Нюргун Боотуре, который представляет вместе с бурятским Гэсэром один и тот же тип эпического героя небесного происхождения. Данное обстоятельство позволяет говорить о тюрко-монгольском факторе в генезисе Гэсэриады, учитывая сведения Ю.Н. Рериха из тибетских источников по этому поводу. В целом Гэсэриада — это памятник Сказителям — творцам великого эпоса.

Ключевые слова: Гэсэриада, эпос, традиция, культ неба, Центральная Азия.

Bair S. Dugarov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russia

**GESERIADA: THE BURYAT ORAL POETIC MONUMENT
AND THE CENTRAL ASIAN EPIC TRADITION**

Abstract. This article examines unique aspects of Buryat Geseriada and its genesis based on the Ekhirit-Bulagat version. While the Ungin version shares some common features with Mongolian Geseriada which was influenced by the Tibetan epic about Geser, the Ekhirit-Bulagat version is entirely original with mythological roots. It consists of ancient folk plots, motives and images, and has stadial and typological similarities with the Yakut epic about Nyurgun Bootur, who along with Buryat Geser represents the same type of the epic hero of the heavenly origin. This fact allows us to speak about the Turkic-Mongolian factor in the genesis of Geseriada, taking into account information from Tibetan sources on this matter provided by Yu. N. Roerich. Overall, Geseriada is a monument for all storytellers of the great epic.

Keywords: Geseriada, epic, tradition, cult of heaven, Central Asia

Бурятская Гэсэриада, именуемая во всех вариантах «Абай Гэсэр», представлена исключительно в устной стихотворной форме. Это наиболее популярное и распространенное произведение народного творчества бурят, передававшееся из уст в уста в течение многих сказительских поколений. Образ самого Гэсэра отличается глубиной и многогранностью эпического воплощения. Персонажный ряд Гэсэриады, ее мотивы и образы имеют глубокие соответствия во многих бурятских сказаниях-улигерах, образуя эпическое целое, основанное на единой поэтико-стилевой традиции. Существуют две разностадияльные версии бурятской устной Гэсэриады — эхирит-булагатская и унгинская, наличие которых в рамках единой фольклорной традиции позволяет оценить в полной мере богатство и уникальность эпического творчества бурят.

Следует подчеркнуть, что в бурятской этнокультурной традиции эпос «Гэсэр» воспринимается как сказание божественного происхождения, поскольку в нем значительна роль небесных богов-тэнгриев, а сам герой является сыном неба. Это исторически обусловлено значимостью уранического

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310268-2

фактора в религиозно-мифологической традиции тюрко-монгольских народов, что обрело адекватную фольклорную интерпретацию в бурятской Гэсэриаде.

Далеко не каждому сказителю было под силу исполнение эпоса о посланнике небожителей — Гэсэре. Исполняли улигер те, кто знал доподлинно тэнгристскую мифологию, генеалогию шаманистских божеств, старинные обряды и сакральные тексты. Формула избранничества, известная с древних времен среди восточных магов и жрецов, распространялась и на певцов героического эпоса. Их природный поэтический дар и феноменальная память с исключительной силой сказывались в знании и исполнении Гэсэриады, основанном на приоритете поэтического слова. Примечательно отношение самих сказителей к феномену стихотворного текста. Они считали, что Гэсэр, его богатыри и другие главные персонажи эпоса могли «обидеться», если в их эпическом описании не звучала стихотворная речь, а сам улигер (сказание) уже не воспринимался как истинный улигер. Более того, сказитель, пренебрегший поэтической традицией, мог быть «наказан божествами», т.е. подвергал себя опасности. Не случайно самая поэтичная по форме исполнения и оригинальная по содержанию эпопея о Гэсэре, восходящая к мифологическим истокам, была записана в начале прошлого столетия от сказителя Маншуда Имегенова фольклористом-монголоведом Ц.Ж. Жамцарано в среде эхиритских бурят, где, как отмечает сам ученый, сохранились наиболее архаичные эпические традиции и особое благоговейное отношение к улигерам и его героям (ульгэри хүбүүд).

Данное сказание о Гэсэре и его сыновьях насчитывает 22072 стихотворных строк (для сравнения — объем «Илиады» составляет 15689 стихотворных строк). Оно является «образцом наиболее древнего и архаичного героического эпоса», согласно определению Н.Н. Поппе, занимавшегося сравнением устной бурятской и письменной монгольской версий Гэсэриады [Поппе 1941: 18]. На фоне тибетской, монгольской и унгинской версий улигер М. Имегенова представляется самобытным, совершенно самостоятельным произведением, состоящим из присущей эхирит-булагатской традиции фольклорных сюжетов, мотивов и образов. Причем стадильно ранних, «принадлежащих фольклорному процессу монгольских племен еще с древних времен» [Lorincz 1975: 84-85]. Данное обстоятельство увязывает родословную имегеновской эпопеи о Гэсэре с проблемой зарождения Гэсэриады как таковой в устной традиции народов Центральной Азии.

В связи с этим представляют интерес данные, которые приводит Ю.Н. Рерих относительно нетибетского происхождения Гэсэриады и имени самого героя. Истоки Гэсэрова сказания, по мнению ученого, уходят в далекое прошлое великих кочевых империй Центральной Азии. Относительно появления имени Гэсэр на территории Великой степи Ю.Н. Рерих предполагает, опираясь на изыскания ряда европейских ученых, что оно было заимствовано тюркскими племенами через Хотан у правителей индо-среднеазиатской Кушанской империи (II-III вв.), которые использовали титул Цезарь в форме Кайсар для своей августейшей титулатуры [Рерих 2014: 64, 67].

Думается, вряд ли кочевников волновало то, что в этом заимствованном кушанском титуле содержится чужеродный латинский корень римского великодержавия. Важно то, что этот титул в постхуннскую эпоху приобрел у центральноазиатских номадов, исходя из их культовых представлений, нарицательный смысл, равнозначный хуннскому понятию шаньюй (сын неба, император). Иначе трудно объяснить, почему имя Гэсэр стало олицетворять правителей степных держав, становясь вровень с властелинами соседних могучих государств, как демонстрирует ниже приводимый пример, взятый из тибетских источников:

Король Индии обвился вокруг Тибета, как змея вокруг дерева,
Король Китая был похож на волка, залегшего в ожидании овцы,
Король Ирана был похож на хищную птицу кхыонг,
Король Гэсэр [тюрков и уйгуров] — на топор, врубающийся в дерево.
[Кычанов 1975: 24]

Как отмечает Ю.Н. Рерих, Гэсэр причисляется к тетраде великих царей Азии, а его локализация связана с северной стороной, под созвездием Большой Медведицы. В отличие от трех других царей: китайского — Владыки мудрости (восток), индийского — Владыки религии (юг), иранского — Владыки богатств (запад) Гэсэр именуется Царем воинств и одновременно Владыкой лошадей.

Судя по всему, это определение соответствует исторической правде, так как кочевые империи и государства, сменявшие друг друга на арене Центральной Азии, отличались, прежде всего, своей воинственностью и великолепно организованной боевой конницей, приносившей им славу и богатство. Ю. Н. Рерих подчеркивает, что отождествление Гэсэра с обобщенным образом вождя северных кочевников сохраняет долгую и прочную традицию в тибетской историографии [Рерих 1999: 59, 78-79]. Действительно, это отождествление имеет под собой реальную почву, ибо почти вся

история I тысячелетия н.э. была ознаменована гегемонией степных этносов на территории Центральной Азии, начиная от хунну до киданей.

Этот миллениум, который можно условно назвать тюрко-монгольским периодом в истории Великой степи, не мог не отразиться в устнопоэтическом творчестве кочевников. Многие эпосоведы не без обоснования определяют вторую половину I-го тысячелетия как период сложения героического эпоса тюрко-монгольских народов (С.С. Суразаков, П. А. Трояков, И.В. Пухов, Л. В. Гребнев, А. И. Уланов, М.П. Хоменов и др.). Стало быть, в ту пору уже существовали общие для центральноазиатской традиции устные сказания, легенды и предания, среди которых, по всей вероятности, знаковой для общего сюжетно-тематического фонда была мифологическая тема, связанная с представлением о герое — сыне неба, освобождающем землю от действия злых сил. Тема, которая имела своих исторических прототипов в лице харизматических представителей правящей элиты, племенных вождей и людей «длинной воли», сакрализации образов которых в эпосе способствовал мотив небесного происхождения.

В связи с этим следует отметить, что этот мотив, воплощенный в обобщенном образе эпического героя, служил особым и неизменным атрибутом характеристики его выдающихся качеств. В данном случае древний эпос демонстрирует свою связь с мифом, так как «именно в мифе главный герой — всегда бог, либо (и это для нас не менее важно) полубог, сын бога» [Гринцер 1971: 159]. Что касается демоноборческой миссии героя, то борьба с чудовищами — зооантропоморфными персонификациями Зла является древнейшим ядром тюрко-монгольских сказаний и носит в целом универсальный характер [Мелетинский 1998: 28-29, 368, 376].

В этом плане прав А.Б. Лорд, видевший в сказителе поэта-чародея и провидца, поскольку «истоки традиционного устного повествования — не художественные, а религиозные в самом широком смысле этого слова» и что «кирпичи, из которых сложена устнопоэтическая песнь, не могут не быть очень древними» [Лорд 1994: 82, 247]. На таких поэтах-сказителях держалась устная традиция трансляции сказительского текста, и сказание о герое — сыне неба в силу сакральности своего назначения подпитывалось незыблемой вековой традицией, о чем свидетельствует эпос М. Именгова.

В связи с этим необходимо привести в качестве глубокой параллели к именговскому тексту якутский эпос «Нюргун Боотур Стремительный» (сказитель К.Г. Оросин), чей одноименный герой «по своему облику и сюжетному функционированию поразительно напоминает» бурятского Гэсэра [Неклюдов 1979: 166-167]. По волеизъявлению небесных божеств в прологе якутского сказания Нюргун Боотур — сын небожителя, так же как и Гэсэр, спускается на землю для очищения ее от чудовищ, несущих угрозу жизни людей. Обращает на себя внимание сходство имени Нюргун с Нюргай, одним из онимов бурятского Гэсэра, и Ниргун — монгольским названием Жуаньского каганата (330-555 гг.). Сближает якутский и бурятский персонажи одинаковая — гнедая — масть их богатырского коня, что является немаловажным элементом в характеристике общности героев [Дугаров 2007: 60]. В историческом контексте якутский Нюргун Боотур и стадиально ему близкий Гэсэр эхирит-булагатской версии представляют собой один и тот же тип эпического героя небесного происхождения. Данное обстоятельство позволяет говорить о тюрко-монгольском факторе в генезисе Гэсэриады, сохранившем в своих устных версиях наиболее «родовые» черты изначальной центральноазиатской эпикей.

В рассмотренных нами в сравнительном плане двух сказаниях прослеживаются черты гипотетической центральноазиатской Гэсэриады, определяемой как Тугу-Гэсэр и Хор-Гэсэр. Первый из них соотносится с тюркской традицией, второй — с уйгурской и монгольской, согласно тибетской хронике «Дэбтэр чжамцо» — источнику по истории монголов Куку-нора [Хундаева 2009: 153]. В связи с этим уместно напомнить мнение Ц. Жамцарано, что со «страной Куку-нор», где в период с IV-VII вв. существовало хунну-сяньбийское государство тогонов или хоров, «подчинивших своей власти тангутские племена», связано зарождение монгольской Гэсэриады [Жамцарано: 140].

Вполне возможно, что тюрко-монгольские устные сюжеты о Гэсэре — герое-правителе небесного происхождения могли сказаться на генезисе тибетской Гэсэриады. Об этом красноречиво свидетельствует существование в Тибете «выдающейся школы исполнителей», именуемой Хор [Кычанов 1975: 267]. Примечательно, что сказание о Гэсэре было воспринято и приспособлено к своим потребностям приверженцами буддийской школы ньинма (VIII в.), основанной Падмасамбхавой. Из их среды происходит тантристский лама, панегирист Чойбэб (XI в.), которому приписывается авторство первой письменной версии тибетской Гэсэриады [Дамдинсүрэн 1957: 149, 165].

Таким образом, эпические сюжеты о Гэсэре и сходные с ним мотивы о герое — сыне неба, циркулировавшие в устной традиции тюрко-монгольских народов тэнгрианской эпохи первого тысячелетия, не исчезли в круговороте времен. Они сохранились в силу исторических обстоятельств на периферии Великой степи: в Прибайкалье и в долинах притоков р. Лены — у бурят и у якутов; сохранились в устной традиции, чьи многие этнокультурные истоки берут начало в Центральной Азии — исторической колыбели тюрко-монгольских этносов и их эпических творений. Данный устнопоэтический феномен требует комплексного компаративного исследования, которое может пролить свет на вопросы, связанные с историей и культурой народов алтайско-гималайского круга. Ибо Гэсэриада не просто героическое сказание, это память этноса о своем безбрежном прошлом, это культурный код, в котором зашифровано будущее народа, создавшего этот эпос.

Литература

- Гринцер П.А. Эпос древнего мира // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 7-67.
- Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М., 1957. 239 с.
- Дугаров Б.С. О некоторых фольклорно-мифологических параллелях бурятского «Гэсэра» и «Нюргун Боотура Стремительного» // Художественное наследие национальных литератур XX века в общероссийском культурном пространстве: проблемы взаимодействия (г. Якутск, 4-6 октября 2006 г.), матер. Всероссийской науч. конф. Якутск, 2007. С. 59-65.
- Жамцарано Ц.Ж. Конспект улигеров // Архив востоковедов Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН. Ф. 62.
- Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., 1975. 303 с.
- Лорд А.Б. Сказитель. М., 1994. 368 с.
- Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. 576 с.
- Поппе Н.Н. Об отношении бурят-монгольского Гэсэра к монгольской книжной версии // Записки Бурят-монгольского ГИЯЛИ. Выпуск 5-6. Улан-Удэ. 1941. С. 7-19.
- Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999. 368 с.
- Рерих Ю.Н. Сказание о царе Кэсаре Лингском. Перевод и послесловие В.С. Дылыковой-Парфионович // «Культура и время». №1, 2014. С. 60-74.
- Хундаева Е.О. К вопросу об истории тибетской Гэсэриады // От Дуньхуана до Бурятии. По следам тибетских текстов. Улан-Удэ, 2009. С.153-160.
- Lorincz L. Die Burjatischen Geser Varianten // Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. T. XXIX. Fasc. 1. Budapest, 1975. Pp. 55-91.